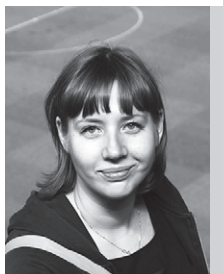

УДК 323.23+327
DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.2841

ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОДХОДЫ И ПРАКТИКА*

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Моисеенко Ян Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

---

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–6–8 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

Аннотация

В статье выделяются структурно-функциональный и иные подходы, применение которых позволяет выявить разные ракурсы и оптики исследования политики национальной памяти. На примере Республики Беларусь и Республики Казахстан рассматриваются ключевые этапы формирования национальной политики памяти после распада СССР, выделяется инструментарий и основные особенности. В заключение сделан вывод о том, что национальную политику памяти на постсоветском пространстве (на примере рассмотренных стран) можно определить как гибридную модель, которая объединяет элементы советской политики памяти и современных практик памяти, конструируемых с помощью национальной историографии, символической и культурной политики.

Ключевые слова:

политика памяти, национальная память, постсоветское пространство, идентичность, нация, историография.

Прежде чем приступить к изучению политики национальной памяти на постсоветском пространстве, необходимо предварительно выделить перспективные с научной точки зрения способы концептуализации данного феномена. Проведение этой интеллектуальной операции может стать основой для формирования солидного методологического фундамента для решения ряда теоретико-политических и политико-прикладных вопросов в области изучения существующих практик политики национальной памяти.

Ряд современных специалистов отмечает недостаточную разработанность категориального аппарата исследований политики национальной памяти, существование определенных пробелов в систематизации аналитических подходов к изучению данного феномена, в создании типологии механизмов формирования разных политик памяти [19, с. 167–195].

В рамках настоящей статьи нами предпринята попытка аналитического рассмотрения некоторых подходов, на основе которых, как нам представляется, можно выстроить концептуальную модель феномена национальной памяти, выступающего предметом специального политологического исследования.

Политики национальной памяти: структурно-функциональный подход

В качестве исходного определения политики памяти мы берем следующее: политика памяти – это сфера публичных политических стратегий, связанных с выработкой способов запечатления (включая способы интерпретации) прошлого в массовом сознании, а также – совокупность различных практик и норм, регулирующих функционирование коллективной памяти [21, с. 18].

Данное определение логично предполагает возможность применения *структурно-функционального подхода* к изучению политики национальной

памяти. На его основании можно выделить следующие базовые компоненты данного феномена: 1) стратегические установки, отвечающие целям и задачам использования прошлого для легитимации проводимого политического курса; 2) дискурсивно-символический и нарративный капитал политики памяти, выполняющий функции означивания и переозначивания прошлого; 3) институциональная и нормативная базы политики памяти; 4) основные акторы политики памяти, в состав которых входят политические силы и профессиональные деятели из разных сфер общественной жизни, заинтересованные в том или ином понимании прошлого; 5) масс-медийные агенты (ведущие политические комментаторы, журналисты, сетевые политологи) и система медиатехнологий политики памяти, формирующие массовые представления о прошлом; 6) «осажденный» план политики памяти, то есть идеологические эффекты и трансформации, произведенные в массовом сознании и в коммеморативных практиках.

В случае, когда в коммеморальных практиках акцентируется внимание на национальных аспектах, тогда в качестве неотъемлемого структурного компонента политики памяти следует рассматривать *фактор национальной идентичности*.

В XXI веке, который еще называют веком «столкновения идентичностей», «борьбы за идентичность» [8, с. 12–13], политика памяти оказывается важным инструментом мобилизации социально-политических, историко-символических и медиатехнологических ресурсов, направляемых на создание заданной политическими элитами той или иной модели национальной идентичности. В этой связи национальную идентичность следует рассматривать в качестве системообразующего ядра политики национальной памяти, ее центрального интенционального компонента.

На личностном уровне процесс формирования национальной идентичности посредством определенных практик политики памяти представляет собой, во-первых, адаптацию индивида к новым ценностям, интерпретациям и образам прошлого, к новым коммеморативным нормам и поведенческим моделям, а во-вторых, индивид, вовлеченный в процедуры формирования национальной идентичности, сам начинает транслировать модели ее публичной и межличностной репрезентации. При этом фактор конформизма здесь играет существенную роль, независимо от того, является ли предлагаемая модель идентичности вполне реальной или же виртуальной [26].

В целом, политика национальной памяти представляет собой источник смысловых, образных и мифических компонентов, необходимых для психо-социо-культурной и политической интеграции индивида в национальную общность. Для активизации и повышения эффективности данного процесса используется еще один весьма значимый механизм (или компонент) политики памяти, а именно – *фактор эмоционального заражения*.

Хорошо известно, что самыми сильными по эмоциональной заряженности образами, входящими в арсенал политик национальной памяти, являются образы врага и национальных героев. Именно эти структурные компоненты способствуют созданию чувства национальной идентичности, сопричастности индивидов к общим переживаниям героического и трагического прошлого своего народа. Использование бинарной формулы *враг/герой* в официальной идеологии

и практиках коммемораций направлено на решение задач консолидации общества и легитимации существующего политического режима [10].

Героическое прошлое, культивируемое политикой национальной памяти, — это еще и способ формирования у граждан чувства гордости за свою историю, свой народ, свое государство, свою нацию. Чтобы данное чувство не иссякало, чтобы оно глубоко укоренилось в коллективной памяти, его требуется непрерывно подкреплять посредством систематически осуществляемых коммеморативных практик, к которым относятся: регулярное проведение символических ритуалов, связанных с памяtnыми датами, почитанием героев; возведение памятников, создание мемориальных комплексов, исторических экспозиций; организация коллективных посещений памятных мест и др. [15].

Важное значение для поддержки чувства национальной идентичности в массовом сознании имеет образ врага, олицетворяющего угрозу существования для народа и государства. Данный образ оказывается особенно востребованным у идеологов политики памяти, когда с героизацией прошлого возникают проблемы, когда значимые и большие периоды национальной истории оцениваются в категориях драмы и трагедии. В данном случае образ врага направляет на себя «огонь» негативной энергии, накопившейся у людей в результате тяжелых переживаний. Он как бы освобождает массы от их ответственности за трудную историческую судьбу.

Хотелось бы обратить внимание еще на один существенный аспект структурно-функционального подхода к политике национальной памяти, а именно, — на рассмотрение данной политики как некоей модели политико-исторического хронотопа, то есть — с позиции выявления темпоральных и пространственных компонентов данной политики. С нашей точки зрения, структурной единицей хронотопа политики памяти выступает событие прошлого, которое характеризуется определенным местом и временем. Однако само по себе обращение к событиям прошлого для политики памяти не имеет существенного значения, поскольку важнее всего является то, каким образом данное историческое событие может быть интерпретировано с позиций актуального настоящего и перспектив будущего. Таким образом, у политики памяти — два основных темпоральных вектора — современность и будущность. Что касается топосферы политики памяти, то ее пространственное существование обозначается посредством ею же создаваемых мест памяти, архитектурных ансамблей, топонимических ориентиров, транспортных узлов (к примеру, широко практикуется название аэропортов в честь знаменитых соотечественников) и др.

Кратко остановимся на проблеме разграничения феноменов «политика памяти» и «историческая политика», относительно которой в научной литературе уже не одно десятилетие ведутся дебаты [24, с. 44–46]. Мы считаем, что именно структурно-функциональный подход может позволить вскрыть и продемонстрировать функциональные отличия данных моделей политических практик относительно предпринимаемых способов воздействия на процесс становления национальной (государственной) идентичности. Понятно, что и политика памяти, и историческая политика являются действенными механизмами, с помощью которых формируется та или иная политическая повестка, как в локальных, так и в макро-масштабах. Однако если детализировать данный процесс, то стано-

вится очевидным, что оба этих инструмента различным образом расставляют приоритеты в функциональном применении своих структурных компонентов. Здесь дело не в том, что политика памяти и историческая политика якобы апеллируют к различным предметным областям. Основное отличие – в системах механизмов обращения с прошлым. Историческая политика сконцентрирована на когнитивных факторах, то есть на способах осмысления и репрезентации прошлого с позиции определенных идеологических установок, выступая, по сути, важной составляющей политической пропаганды, тогда как политика памяти использует самые разнообразные инструменты обращения с памятью (не только когнитивно-идеологические, но и хронотопные, и семиотические), что позволяет говорить о более объемном арсенале ее инструментария, связанного с управлением коллективной памятью по сравнению с механизмами исторической политики.

Кроме структурно-функционального подхода, стоит также выделить *дискурсивный подход* к изучению политики национальной памяти, который раскрывает проблему на ином уровне погружения: здесь идет работа, связанная с анализом конкурирующих дискурсов, образующих конфликт между разными интерпретациями прошлого, а также – с исследованием процесса борьбы за доминирование в идеологической сфере разных дискурсов [22]. Весьма важен *компаративный подход* для проведения качественных сравнительных исследований различных коммеморальных практик [18]. Он работает «рука об руку» с дискурсивным подходом, но при этом вносит свой вклад в анализ механизмов управления памятью, отделяя историческое тело фактов от их интерпретаций и выявляя возможные манипуляции историческими данными.

Большой интерес для исследователей политики национальной памяти представляют процессы, развернувшиеся на постсоветском пространстве. Вполне естественно, что после распада СССР в бывших союзных республиках начался процесс государственного строительства, потребовавший выявления новых оснований национальной идентичности и обращения к инструментам политики памяти. Отметим, что указанный тип памяти рассматривается нами как «властный ресурс для легитимации существующей политической системы и нормативно-ценностных ориентиров и контуров, а также для институционализации определенной политической практики, транслируемой через медийные и немедийные каналы» [4, с. 126]. Модели, сложившиеся в постсоветских государствах, различались по символическому и дискурсивному наполнению, социально-политическому контексту и видам применяемых стратегий. Имеющиеся национальные различия предполагают проведение сравнительного анализа политик национальной памяти, который, в свою очередь, требует выделения их общих черт.

Применение структурно-функционального подхода к изучению политик национальной памяти, практикуемых на постсоветском пространстве, позволяет выделить следующие области исследования:

- субъект и объект политик памяти (основной субъект или актор – правящая элита; объекты – население государства, международная аудитория);
- основные функции – легитимация политики властных элит, самоутверждение национальных элит, утверждение основ новой государственной идентичности, конструирование «значимого другого»;

- главные проводники политики памяти: система образования (школы, вузы и т.п.), СМИ, кинематограф, театры, музеи, библиотеки, институты национальной памяти и т.п. (по сравнению с советским периодом в этой сфере произошли значительные изменения: удельный вес влияния на массы театра, живописи, библиотек и музеев снизился; высвободившаяся энергия влияния перераспределилась в пользу СМИ и относительно новых субъектов – шоу-бизнеса, рекламных и торговых компаний [14, с. 10]);

- ресурсы политики памяти (в основном, административные, партийно-политические, институционально-пропагандистские, финансовые).

В современных условиях усиления процессов информационного противостояния и медиатизации политики важное методологическое значение при изучении политики национальной памяти приобретает *инструментально-технологический подход*, который предполагает обращение особенно пристального внимания исследователей к методам, приемам и технологиям, которые используют в ходе своей деятельности профессиональные акторы политики памяти в целях оказания определенного влияния на массовое сознание. Опираясь на данный подход, можно выделить целый ряд технологических приемов политики национальной памяти, применяемых в государствах, ранее входивших в состав СССР. К ним относятся:

- 1) воскрешение одних фактов прошлого и сокрытие других, оживление символов досоветской эпохи, обращение к мифологическим и архаическим истокам;

- 2) переписывание учебников истории, создание новых прецедентных текстов, альтернативных советской историографии;

- 3) эксплуатация негативного образа России вплоть до объявления ее оккупантом и колонизатором (в этом плане характерным является стремление правящих элит постсоветских государств, в том числе Казахстана, Беларуси и Таджикистана, к экономическому шантажу России, их умении «сидеть на двух стульях», декларируя, с одной стороны, дружеские и союзнические отношения с Россией, а, с другой, – свою западную ориентацию [24, с. 133]);

- 4) переименование населенных пунктов, улиц, площадей и других территориальных и географических объектов;

- 5) изменение номенклатуры государственных праздников и других массовых мероприятий, трансформация символического наполнения праздничных дат и церемоний [6];

- 6) смена алфавита (переход на латиницу как элемент вестернизации и европоцентристской коммуникации, как демонстрация языкового разрыва с советским режимом, который якобы насильственным образом внедрял кириллицу [11, с. 66]);

- 7) создание фондов изучения национальной истории (выделение целевых грантов, организация конференций и других научных мероприятий, продвигающих идеи нового национально-государственного и геополитического позиционирования страны);

- 8) снос и установление новых памятников, создание мемориалов и мемориальных кварталов, произведений монументального искусства и других объектов материально-культурного наследия, работа с которыми имеет глубокий символический смысл, связанный с формированием национальной идентичности.

Особенности политики национальной памяти в Республике Беларусь и Республике Казахстан

Рассмотрим подробнее особенности политик национальной памяти, сложившихся в Республике Беларусь и Республике Казахстан. Данные примеры интересны тем, что несмотря на схожесть используемых в них инструментов политики памяти, существуют различия в ориентациях политического курса элиты данных стран.

Политика национальной памяти в Белоруссии представлена тремя основными этапами: 1) 1991–1994 гг.; 2) 1994–2003 гг.; 3) с 2003 по настоящее время. После распада СССР в этой стране начался процесс государственного строительства, основанный на «многовековых традициях государственности» [25, р. 254]. В период с 1991 по 1994 годы появилась программа национального возрождения путем переосмысления прошлого. Россию позиционировали скорее как хищническое, а не как освободительное государство. Национальная академия наук и некоторые известные общественные деятели пропагандировали про-белорусский национальный этос. До 1994 г., то есть до выборов президентом страны А.Г. Лукашенко, в официальной белорусской историографии были распространены антисоветские и антироссийские интенции: прославление Великого княжества Литовского, негативные оценки периода российской империи с конца XVIII в. по причине проведения политики денационализации белорусского народа. В учебниках истории того времени подчеркивалась уникальность белорусской идентичности, её отличие от российской, а также – тесная связь белорусской культуры с католическим Западом и его историей.

После 1994 г. в белорусской историографии начался поворот в сторону возвращения к советским традициям. В школах вновь ввели учебники истории советского типа. Промежуток 1994–2003 гг. был периодом идейно-политических конфликтов, раскола между приверженцами «национальной» и «ненациональной» версиями политики памяти, идентичности и истории [2, с. 49]. Ведущие белорусские писатели высказывались против попыток «повернуть ход истории вспять и посягать на интеллектуальную и духовную свободу народа» [25, р. 254]. В дискурс белорусской политики национальной памяти возвратились следующие идеи: идентичность народа связана с восточнославянским и русским пространством; советская власть была «выгодной» для Белоруссии; Вторая мировая война является важным событием в общей истории России и Белоруссии. Такой поворот логично соотносился с идеей создания российско-белорусского союза (Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве 1995 года и Договор о Союзе Беларуси и России 1997 года).

В 1995 г. в соответствии с результатом проведенного в стране национального референдума русский язык стал одним из государственных языков Республики Беларусь. Центральное место в политике национальной памяти заняла память об общей с другими бывшими советскими республиками исторической судьбе, общем социалистическом наследии и в особенности – память о Великой Отечественной войне. Были сохранены ритуалы прежней мемориальной культуры (например, официальное празднование годовщины Октябрьской революции), а также элементы государственной символики советского периода (так,

новый государственный бело-красно-белый флаг и герб «Погоня», учрежденные в 1991 г., уже в 1995 г. были заменены на красно-зеленый флаг и на герб, символика которых копирует символику БССР) [2].

Начиная с 2003 г. белорусская политическая элита стала постепенно выстраивать новую модель государственного правления, которая стала задавать соответствующие ориентиры для политики национальной памяти. В октябре 2004 г. в результате проведенного референдума в конституцию страны были внесены поправки, снимающие ограничение на количество президентских сроков. Это нормативно обеспечивало укрепление традиций белорусского авторитаризма, включая процедуры его символического увековечивания в коммеморативных практиках.

Исследователи политики памяти в Казахстане в основном выделяют два периода: советский период (до 1991 года) и постсоветский период [3; 16]. Отметим, что формирование политики памяти в советский период являлось составным элементом «общесоюзной политики памяти» [3, с. 430].

После распада СССР начинает складываться новая политика памяти Казахстана, направленная на поиск государственно-национальной идентичности, на выстраивание новой концептуальной модели исторического прошлого и культурного наследия страны, на формирование постсоветского исторического сознания у населения. Так, в 1997 году столица Казахстана была перенесена из Алма-Аты в Акмолу, которая позднее была переименована в Астану [5]. В 2019 г. Астана была переименована в честь национального лидера страны Н. Назарбаева в Нур-Султан [1]. Вводятся новые государственные праздники, например, День столицы, который отмечается 6 июля [6], День благодарности (учрежден в 2016 г. для «укрепления межэтнического согласия») [23 с. 63]. Кроме того, важным инструментом формирования национальной политики памяти является языковая политика, которая четко прописывает главный вектор геополитического позиционирования страны. Принятие в качестве государственного того или иного языка, той или иной разновидности алфавита свидетельствует о том, в пользу какой исторической общности делается цивилизационный выбор. В этой связи весьма красноречиво выглядит запущенный в Республике Казахстан в 2017 г. процесс перехода с кириллицы на латиницу, который планируется завершить к 2025 году [13].

После провозглашения независимости вектор политики памяти в Казахстане смещается в сторону реализации проекта национального возрождения, возврата к значимым событиям и именам досоветского прошлого [17; 20]. В стратегических установках политики памяти республики, касающихся её советского прошлого, в настоящее время конкурируют две концептуальные позиции. Одна – продвигает нарратив колониального захвата казахских земель со стороны России и эксплуататорского характера отношения советской власти к казахскому населению. Другая – фиксирует внимание на позитивном характере влияния советской власти на развитие Казахстана.

Доводы в пользу негативной оценки советского периода сводятся, в основном, к следующим суждениям: 1) после образования союзной республики Казахстан не получил ни политической, ни экономической самостоятельности; все вопросы решались вне пределов Казахстана, в том числе – выбор место-

положения столицы или алфавита; 2) социалистический эксперимент привел к гибели половины населения, утрате идентичности, сужению системы образования на родном языке, в результате чего к 60-м годам XX века казахский язык фактически перестал функционировать в системе государственного управления и образования; 3) освоение целины привело к экологической катастрофе (выветривание почвы и пыльные бури).

В числе основных аргументов, защищающих позитивную, в целом, оценку социалистического прошлого республики, выделяются следующие: 1) В 1960–1980-х годах казахстанцы стали одним из наиболее образованных народов в мире, грамотность составляла 99%, почти половина взрослого населения получила высшее образование; 2) при поддержке России была создана Академия наук Казахстана, объединявшая десятки научно-исследовательских институтов; 3) все ныне действующие крупные промышленные предприятия независимого Казахстана – «Казахмыс», «Кармет», Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат, металлургические заводы Усть-Каменогорска и другие – были построены в советский период; всё, что в настоящее время овеществлено в заводах, фабриках, зерновых комплексах, театрах, киностудии «Казахфильм», вузах, поликлиниках, больницах, – по большей части – наследие советской эпохи [9].

Особенностью формирования политики национальной памяти в постсоветских государствах становится переосмысление советского наследия и коммунистической идеологии. Тенденция декоммунизации, характерная для ряда постсоветских государств (Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Украина), не прошла стороной и Казахстан. Однако, как отмечают исследователи, данная тенденция не была ярко выражена и не стала доминирующей в дискурсе политики национальной памяти Казахстана. Тем не менее, целый ряд символических репрезентаций политики декоммунизации в республике Казахстан был произведен, а именно: демонтаж памятников В.И. Ленину, Ф.Э. Дзержинскому и другим деятелям советской власти, их перенос с центральных улиц на окраины городов; переименование улиц и публичных мест, названных когда-то в честь деятелей советской власти; демонтаж мемориальных табличек; перепрофилирование музеев и зданий; создание новых учебников и литературных произведений, освещающих ранее замалчиваемые трагические эпизоды в истории Казахстана (годы коллективизации, казахский голодомор, период массовых репрессий и др.). Происходит смещение коммеморативного внимания с фигур советских руководителей республики на фигуры национальных героев и революционеров (памятники казахским революционерам не были перенесены) [3].

Отметим, что общезначимым моментом в политиках памяти Республики Беларусь и Республики Казахстан является сохранение некоторых советских символических ритуалов и праздников, в первую очередь – ежегодное празднование победы СССР в Великой Отечественной войне 9 мая, которому предан государственный статус. В последние годы в память о Великой Отечественной войне в республиках проводится акция «Бессмертный полк» [6, с. 48–49]. В 2017 г. состоялись официальные торжества, посвященные 100-летию Октябрьской революции [12].

В целом, политики памяти Белоруссии и Казахстана в разной степени дистанцируются от советского прошлого: в Белоруссии данный процесс про-

текает медленнее и менее масштабно, чем в Казахстане. В то же время, в обеих республиках курс на декоммунизацию прокладывается очень осторожно, без радикальных политических решений и практик. В качестве одного из инструментов политики национальной памяти руководители этих государств используют известную технологию «сидения на двух стульях», которая выражается в следующем: стремление политических элит соблюсти некий неустойчивый баланс между использованием ценных элементов наследия советского прошлого и принципами государственного суверенитета и национальной идентичности.

В заключение отметим, что выработанные в Белоруссии и Казахстане национальные модели политики памяти можно охарактеризовать как гибридные, поскольку в них сочетаются в клиповом порядке разнонаправленные идеологические векторы – просоветский и антисоветский, пророссийский и прозападный. Более подробный анализ структурных конфигураций моделей указанного типа – предмет дальнейших методологических исследований современных политик национальной памяти.

---

1. Астану официально переименовали в Нур-Султан // URL: <https://ria.ru/20190323/1552049461.html>.

2. Брабочкин А. Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множественности памятей» // *Історія, пам'ять, політика. Збірник статей / Упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай.* – К.: Інститут історії України НАН, 2016. С. 9–52.

3. Галлиев А.А. Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана // *Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая.* 2016. Т. 2. № 3.1. С. 430–440.

4. Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты // *Научный журнал «Дискурс-Пи».* 2018. № 2 (31). С. 123–132.

5. День столицы отмечают казахстанцы // URL: <https://www.zakon.kz/4926894-den-stolitsy-otmechayut-kazahstantsy.html>.

6. Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России: автореф. дисс. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Ефремова Валентина Николаевна; [Место защиты: Ин-т философии РАН]. – Москва, 2014. – 22 с.

7. Жаркынбаева Р.С. Великая Отечественная война как элемент исторической памяти казахстанцев // *PRIMO ASPECTU.* 2018. № 1 (33). С. 48–55.

8. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН.М.: Издательство «Весь Мир», 2017. – 992 с.

9. Казахи и русские: чего было больше в нашей общей истории – хорошего или плохого? // URL: <https://camonitor.kz/31637-kazahi-i-russkie-chego-bylo-bolshe-v-nashey-obschey-istorii-horoshego-ili-plohogo.html>.

10. Козырев Г.И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России // *Социологические исследования.* 2018. № 1. С. 52–58.

11. Космарский А.А. Смыслы латинизации в Узбекистане (конец XX – начало XXI века) // *Вестник Евразии.* 2003. № 3. С. 62–85.

12. Красный день календаря // URL: <https://e-history.kz/ru/publications/view/3625>.
13. Куда язык доведет: почему Казахстан перешел на латиницу // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/20_a_11657323.shtml.
14. Макаров А.И. Политика памяти как элемент региональной культурной жизни // Власть. 2008. № 12. С. 8–10.
15. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. – М. – СПб: Нестор-История, 2018. – 224 с. С. 27–53.
16. Медеуова К.А. К вопросу о типологии практик памяти в Казахстане // Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая. 2016. Т. 2, № 3–1. С. 450–458.
17. Медеуова К.А. «О чем хотят помнить в городах» (анализ современной коммеморативной политики в Казахстане) // URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/196146>.
18. Мелешкина Е.Ю. Возможности качественного сравнительного анализа для исследования политики памяти и её проявлений // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. – М. – СПб: Нестор-История, 2018. – 224 с. С. 54–74.
19. Политика памяти в России, странах ЕС и государствах постсоветского пространства: типология, конфликтный потенциал, динамика трансформации. Стенограмма дискуссии // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. – М. – СПб: Нестор-История, 2018. – 224 с.
20. Практики и места памяти в Казахстане (структурно-типологический обзор) / Медеуова К.А., Ермаганбетова К., Кикимбаев М., Мельников Д., Наурызбаева З., Рамазанова А., Сандыбаева У., Толгамбаева Д., Тлепбергел А. Астана: ТОО Мастер По, 2016. – 73 с.
21. Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). С. 17–30.
22. Русакова О.Ф., Фадеичева М.А., Грибовод Е.Г. Уральская школа политической дискурсологии: инновационные направления исследований // Доклады Второй Междунар. Науч.-практ. конфер., посвященной памяти Жана Бодрийяра. / Под общей ред. О.Ф. Русаковой. – 21 ноября – 14 декабря 2007 г. Том. 2. Екатеринбург: Издательский. Дом «Дискурс Пи», 2007. С. 41–43.
23. Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78.
24. Титов В.В. Политика памяти и формирование национальной государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.
25. Kuzio T. History, memory and nation building in the post-soviet colonial space // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30. No. 2. Pp. 241–264.
26. Zollman K.J. Social structure and the effects of conformity // Springer Science. B.V. 2010. Pp. 317–340.

References:

1. Astanu oficial'no pereimenovali v Nur-Sultan // URL: <https://ria.ru/20190323/1552049461.html>.
2. Brabochkin A. Politika pamyati v prostranstve Minska: mezhdz zabveniem i ideej «mnozhestvennosti pamyatej» // Istorija, pam'yat', politika. Zbirnik statej / Uporyad. G. Kas'yanov, O. Gajdaj. – K.: Institut istorii Ukraïni NAN, 2016. С. 9–52.
3. Galliev A. A. Otrazhenie sovetskoj istorii v politike pamyati sovremennoho Kazaxstana // Ylken Altaj әlemi – Mir Bol'shogo Altaya. 2016. Т. 2. № 3.1. S. 430–440.
4. Gribovod E. G., Kovba D. M., Moiseenko Ya. Yu. Nacional'naya politika pamyati v sovremennoj Rossii: osnovnye tendencii i instrumenty // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2018. № 2 (31). S. 123–132.
5. Den' stolicy otmechayut kazaxstancy // URL: <https://www.zakon.kz/4926894-den-stolitsy-otmechayut-kazahstantsy.html>.
6. Efremova V. N. Gosudarstvennye prazdniki kak instrumenty simvolicheskoi politiki v sovremennoj Rossii: avtoref. diss ... kandidata politicheskix nauk: 23.00.02 / Efremova Valentina Nikolaevna; [Mesto zashhity: In-t filosofii RAN]. – Moskva, 2014. – 22 s.
7. Zharkynbaeva R. S. Velikaya Otechestvennaya vojna kak e'lement istoricheskoi pamyati kazaxstancev // PRIMO ASPECTU. 2018. № 1 (33). S. 48–55.
8. Identichnost': Lichnost', obshhestvo, politika. E'nciklopedicheskoe izdanie / Otv. red. I. S. Semenenko / IME'MO RAN.M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2017. – 992 s.
9. Kazaxi i russkie: chego bylo bol'she v nashey obshhej istorii – xoroshego ili ploxogo? // URL: <https://camonitor.kz/31637-kazaxi-i-russkie-cheho-bylo-bolshe-v-nashey-obshchey-istorii-horoshego-ili-plohog.html>.
10. Kozyrev G. I. Obraz vneshnego vruga kak faktor legitimacii politicheskogo rezhima v sovremennoj Rossii // Sociologicheskije issledovaniya. 2018. № 1. S. 52–58.
11. Kosmarskij A. A. Smysly latinizacii v Uzbekistane (konec XX – nachalo XXI veka) // Vestnik Evrazii. 2003. № 3. S. 62–85.
12. Krasnyj den' kalendarya // URL: <https://e-history.kz/ru/publications/view/3625>.
13. Kuda yazyk dovedet: pochemu Kazaxstan pereshel na latinicu // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/20_a_11657323.shtml.
14. Makarov A. I. Politika pamyati kak e'lement regional'noj kul'turnoj zhizni // Vlast'. 2008. № 12. S. 8–10.
15. Malinova O. Yu. Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki // Metodologicheskije voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. / Otv. red. Miller A. I., Efremenko D. V. – M. – SPb: Nestor-Istorija, 2018. – 224 s. S. 27–53.
16. Medeuova K. A. K voprosu o tipologii praktik pamyati v Kazaxstane // Ylken Altaj әlemi – Mir Bol'shogo Altaya. 2016. Т. 2, № 3–1. S. 450–458.
17. Medeuova K. A. «O chem xotyat pomnit' v gorodax» (analiz sovremennoj kommemorativnoj politiki v Kazaxstane) // URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/196146>.

18. Meleshkina E. Yu. Vozmozhnosti kachestvennogo sravnitel'nogo analiza dlya issledovaniya politiki pamyati i eyo proyavlenij // Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. / Otv. red. Miller A.I., Efremenko D.V. – M. – SPb: Nestor-Istoriya, 2018. – 224 s. S. 54–74.
19. Politika pamyati v Rossii, stranax ES i gosudarstvax postsovetenskogo prostranstva: tipologiya, konfliktnyj potencial, dinamika transformacii. Stenogramma diskussii // Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. / Otv. red. Miller A.I., Efremenko D.V. – M. – SPb: Nestor-Istoriya, 2018. – 224 s.
20. Praktiki i mesta pamyati v Kazaxstane (strukturno-tipologicheskij obzor) / Medeuova K.A., Ermaganbetova K., Kikimbaev M., Mel'nikov D., Naurzbaeva Z., Ramazanova A., Sandybaeva U., Tolgambaeva D., Tlepbergen A. Astana: TOO Master Po, 2016. – 73 s.
21. Rusakova O.F., Kochneva E.D. Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3–4 (28–29). S. 17–30.
22. Rusakova O.F., Fadeicheva M.A., Gribovod E.G. Ural'skaya shkola politicheskoy diskursologii: innovacionnye napravleniya issledovanij // Doklady Vtoroj Mezhdunar. Nauch.-prakt. konfer., posvyashhennoj pamyati Zhana Bodriyyara. / Pod obshhej red. O.F. Rusakovoj. – 21 noyabrya – 14 dekabrya 2007 g. Tom. 2. Ekaterinburg: Izdatel'skij. Dom «Diskurs Pi», 2007. S. 41–43.
23. Semenenko I.C., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Mezhdru gosudarstvom i naciej: dilemmy politiki identichnosti na postsovetском prostranstve // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 5. S. 54–78.
24. Titov V.V. Politika pamyati i formirovanie nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti: rossijskij opyt i novye tendencii. M.: Tipografiya «Vash format», 2017. – 184 s.
25. Kuzio T. History, memory and nation building in the post-soviet colonial space // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30. No. 2. Pp. 241–264.
26. Zollman K.J. Social structure and the effects of conformity // Springer Science. B.V. 2010. Pp. 317–340.

UDC 323.23+327

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.2841

THE POLICY OF NATIONAL MEMORY IN THE POST-SOVIET SPACE: APPROACHES AND PRACTICE

Gribovod Ekaterina Grigorievna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Kovba Darya Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Moiseenko Yan Yurievich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Annotation

The article highlights the structural-functional and others approaches, the use of which will allow to reveal different foreshortening and optics of the research of the national politics of memory. Through the example of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan, the key stages of the formation of the national politics of memory after the collapse of the USSR are considered, the tools and key features being highlighted. In conclusion is reached that the national politics of memory in the post-Soviet space (for example, the countries reviewed) can be defined as a hybrid model that combines elements of the Soviet politics of memory and modern memory practices constructed using national historiography, symbolic and cultural politics.

Keywords:

politics of memory, national memory, post-soviet space, identity, nation, historiography.